

Одарченко Алексей Филиппович

Аграрная реформа и право

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Филиппович О.**
Аграрная реформа и право / Одарченко Алексей Филиппович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 91 с.

ISBN 978-5-521-26060-7

ISBN 978-5-521-26060-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

какъ у насъ въ Россіи, гдѣ представители науки пытаются строить широкія экономическія реформы не только не заботясь о согласованіи этихъ реформъ, съ существующей правовой системой, но умышленно ее игнорируя, забывая исторію права и вообще правовыхъ прецедентовъ и грубо игнорируя существующія позитивныя правовыя нормы.

Такое игнорированіе исторіи права, или правовыхъ прецедентовъ, забвеніе правового метода въ реформахъ общественной и хозяйственной жизни, грубое нарушеніе принциповъ права, или нормъ права позитивнаго, всякое игнорированіе науки и исторіи права есть *безправіе—адикизмъ**).

Адикизмъ есть или принципиальное отрицаніе самаго права, или грубое игнорированіе современной правовой системы въ общественныхъ мѣропріятіяхъ.

Соціаль--демократическа доктрина есть типичная представительница теоретическаго адикизма. Эта доктрина учитъ, что всякая позитивная система права есть только результатъ силы какого-либо общественнаго класса, и что вся нынѣшняя правовая система будетъ немедленно уничтожена и замѣнена другой, пролетарской, социалистической системой, какъ только пролетаріатъ возьметъ верхъ въ общественной жизни. Въ виду этого марксизмъ не считаетъ, въ настоящее время сколько-нибудь необходимымъ считаться съ современными правовыми институтами и развивать ихъ по пути социализма, предполагая ихъ въ свое время сразу уничтожить и замѣнить новыми пролетарскими.

Отрицая такимъ образомъ значеніе эволюціи, а потому и значеніе всѣхъ конкретныхъ правовыхъ нормъ, социаль-демократія (марксизмъ) въ то же время стала въ довольно

*) Нѣкоторые называютъ это явленіе „аномизмъ“ (напримѣръ, Эльцбахеръ), но всякій юристъ, знакомый съ греческимъ языкомъ, отлично чувствуетъ, что терминъ „аномизмъ“ совершенно не выражаетъ того явленія, къ которому онъ прилагается. Явленіе это состоитъ въ отрицаніи *права*, въ его грубомъ игнорированіи, а понятіе *право* по-гречески выражается словомъ *δίκη*, а не словомъ *νομος*. Это послѣднее слово по-гречески значитъ *законъ*, а не право, и поэтому терминъ аномизмъ есть узкій терминъ, обозначающій отрицаніе законовъ, а не отрицаніе права, между тѣмъ, какъ терминъ *адикизмъ* точно обозначаетъ именно то явленіе, которое необходимо охарактеризовать, т. е. отрицаніе, игнорированіе вообще права, принциповъ права, отрицаніе самаго правового метода, а не только законовъ.

оригинальное отношеніе къ нормамъ позитивнаго права: она пока не считаетъ нужнымъ трогать ихъ, или трудиться надъ ихъ измѣненіемъ, эволюціей, откладывая сразу полную отмѣну ихъ на неопредѣленное будущее время. Такой практики держалась она до послѣдняго времени, и потому это ученіе было только теоретическимъ адикизмомъ, но не практическимъ.

Въ послѣднее время, съ появленіемъ Бернштейніанства, которое, повидимому, приглашаетъ социаль-демократію къ эволюціонному правовому творчеству, социаль-демократія, кажется, бросаетъ путь адикизма и ставитъ развитіе социалистическаго строя, социалистическихъ мѣропріятій, въ зависимость отъ правового метода и, слѣдовательно, приближается къ типу правового социализма (Rechtssocialismus).

Но русскіе социаль-демократы рѣзко отличаются отъ своихъ германскихъ товарищей. Въ противоположность германскимъ социаль-демократамъ русскіе товарищи ихъ во многихъ вопросахъ и въ настоящее время не считаютъ нужнымъ церемониться и возиться съ существующей правовой системой, развивать ее и эволюционировать въ социалистическую правовую систему. Они нисколько не задумываются теперь же ломать ее въ разныхъ частяхъ. Это особенно очевидно въ аграрномъ вопросѣ, гдѣ наши социаль-демократы требуютъ примѣненія принудительнаго отчужденія частныхъ земель. Въ этомъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такимъ измѣненіемъ научныхъ принциповъ марксизма, которое дѣлается главнымъ образомъ съ практической цѣлью — пріобрѣсти популярность партіи среди крестьянства; здѣсь, очевидно, социаль-демократическія основы принесены въ жертву основамъ социаль-революціоннаго направленія.

Что касается послѣдняго, т. е. нашего социаль-революціоннаго направленія, то оно еще менѣе социаль-демократіи расположено считаться съ нормами позитивнаго права, отличаясь отъ марксизма тѣмъ, что вопреки послѣднему предлагаетъ сразу приступить къ полной ломкѣ существующаго правового зданія. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою типъ не только теоретическаго, но и *практическаго адикизма*.

Партію народной свободы („Ка-детскую“), которая называетъ себя носительницею права и представительницей идеи правового строя, съ полнымъ основаніемъ относятся къ одной изъ соціалистическихъ партій. Значеніе идей соціализма въ этой партіи несомнѣнно: соціализмъ органически связанъ съ самой сущностью ея направленія, ея стремленія къ народной свободѣ. Однакоже до сихъ поръ это соціалистическое ея тяготѣніе не вылилось въ опредѣленную идеологію, въ опредѣленную доктрину; не вылилось въ опредѣленную форму и отношеніе этой партіи къ праву. По всѣмъ видимостямъ, казалось бы, что соціалистическое направленіе этой партіи не можетъ быть инымъ, кромѣ правового. Въ самомъ дѣлѣ, партія народной свободы главнымъ своимъ лозунгомъ, главной цѣлью считаетъ преобразование *деспотическаго полицейскаго* русскаго государства въ *государство правовое*. Имѣется въ виду создать изъ Россіи правовое государство. Разъ это такъ, разъ всѣ политическія и общественныя реформы для Россіи въ области государственнаго права проектируются этой партіей *по наилучшему типу правоваго государства*, то партіи этой безусловно необходимо было бы считаться съ правомъ (не только какъ съ идеей, но и какъ съ конкретной системой позитивныхъ нормъ) и во всѣхъ другихъ вопросахъ, а въ томъ числѣ и въ экономическихъ мѣропріятіяхъ. Къ сожалѣнію, партія эта въ проектируемыхъ ею мѣропріятіяхъ по самому важному въ данное время для Россіи экономическому вопросу, именно по аграрному, отступила отъ правового метода и пошла по пути адикизма.

Шагъ этотъ со стороны партіи кадетовъ является, несомнѣнно, непослѣдовательностью и абераціей. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ партія, начертавшая на своемъ знамени вообще лозунгъ правоваго государства, въ области экономической аграрной реформы можетъ рѣшиться грубо игнорировать право и пойти по пути адикизма? Вѣдь одно противорѣчить другому.

Итакъ, разобравши основы всѣхъ нашихъ прогрессивныхъ партій, мы видимъ, что всѣ онѣ, въ области экономическихъ реформъ, *проникнуты насквозь идеею адикизма*,

отрицаніемъ права, или, по меньшей мѣрѣ, грубѣйшимъ игнорированіемъ современной правовой системы.

Какъ объяснить подобное явленіе? Объясняется оно весьма просто. Старый режимъ нашего бюрократически-полицейскаго государства въ теченіе двухъ столѣтій систематически вытравлялъ всякую идею права не только въ народѣ, но и въ образованныхъ классахъ; подъ видомъ права и вмѣсто права онъ двѣсти лѣтъ проводилъ свой собственный ничѣмъ не ограниченный произволъ, выдавая его за позитивное право. Этимъ онъ дискредитировалъ и въ народѣ, и въ обществѣ самую идею права, вселилъ къ ней полное неуваженіе и презрѣніе. Много грѣховъ совершилъ старый режимъ, но это дискредитированіе идеи права есть самый страшный грѣхъ, совершенный имъ. И этому-то грѣху стараго режима мы обязаны главнымъ образомъ тѣмъ, что идеи безправія, адикизма, такъ привились у насъ, и въ обществѣ, и въ народѣ.

Наши партіи, изъ которыхъ иныя все время говорятъ о себѣ, что стремятся къ праву, на самомъ дѣлѣ суть плоть отъ плоти, кость отъ кости того вѣковаго пренебреженія и попранія права, въ которыхъ держало ихъ правительство. Наши партіи—дѣти своего вѣка, и если онѣ не отрѣшатся отъ своего адикизма, онѣ или погибнуть сами, или погубятъ страну въ водоворотѣ анархіи.

Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, мы просто имѣемъ дѣло еще съ условіями момента, съ недостаточной приспособленностью прогрессивныхъ партій, проистекающей отъ напуганности такими событіями, какъ аграрныя безпорядки, погромы, преступленія, всеобщее броженіе среди крестьянства и т. п.

Эти явленія такъ напугали наше общество, что побуждаютъ его съ цѣлью успокоенія страны къ самымъ быстрымъ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ, каковымъ является несомнѣнно, какъ имъ кажется, принудительное отчужденіе частной земельной собственности. Партія народной свободы предполагаетъ, что аграрную реформу можно быстро выполнить только однимъ единственнымъ способомъ, это способомъ принудительнаго отчужденія частной собственности.

Конечно, быстрота мѣропріятій, особенно въ изсѣстные политическіе моменты составляетъ большое ихъ достоинство. Однако же это достоинство ни какъ не можетъ считаться столь безусловнымъ, чтобы въ жертву ему можно было приносить всѣ другія требованія, предъявляемыя къ мѣропріятіямъ правоваго государства. Всякое мѣропріятіе правоваго государства должно быть правовымъ т. е. оно должно оправдываться существующими, или бывшими въ исторіи права прецедентами, или въ крайнемъ случаѣ, если это мѣропріятіе совершенно новое, если оно вводитъ новую правовую норму, то и эта новая норма во всякомъ случаѣ должна представлять собою только развитие, эволюцію, предыдущей правовой нормы, такъ, чтобы предыдущая норма была несомнѣннымъ генезисомъ послѣдующей вновь проводимой нормы. Во всякомъ случаѣ новая норма не должна быть грубымъ нарушеніемъ существующихъ правовыхъ нормъ, она не можетъ быть скачкомъ черезъ пропасть, она не можетъ быть колебаніемъ всей существующей правовой системы, она должна быть только ея развитіемъ, въ противномъ случаѣ новая норма будетъ антиправовой, а процессъ ея введенія будетъ адикизмомъ.

II.

Экспропріація частной земельной собственности, какъ типичное проявленіе безправія (адикизма).

Принудительное отчужденіе (экспропріація) частновладельческихъ земель, положенное въ основу аграрныхъ программъ почти всѣхъ нашихъ прогрессивныхъ партій, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ числу мѣропріятій правового характера; оно является типичнымъ выраженіемъ адикизма этихъ партій и, какъ таковое, никоимъ образомъ не должно быть проведено въ жизнь.

При обсужденіи вопроса о принудительномъ отчужденіи частной земельной собственности наши общественныя

партіи рѣшительно сбиты съ толку тѣми юридическими софизмами, которые успѣли нагромоздить вокругъ этого вопроса ученые представители адикизма, защищавшіе въ Государственной Думѣ, на сѣздахъ партій и въ литературѣ проектируемое ими принудительное отчужденіе. Поэтому подавляющее большинство русскаго общества (не говоря уже о народѣ) совершенно добросовѣстно убѣждено въ томъ, что требованіе принудительнаго отчужденія частной земельной собственности, есть чисто правовое требованіе и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего противорѣчащаго праву. Даже такая партія, какъ партія „мирнаго обновленія“, въ лицѣ своихъ вожаковъ, очевидно, относитъ это мѣропріятіе къ средствамъ „мирнаго обновленія“, которыми она думаетъ успокоить страну.

Однако достаточно только слегка разобраться въ юридическихъ софизмахъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ, чтобы убѣдиться, что принудительное отчужденіе частной земельной собственности въ пользу крестьянъ не только не представляетъ собой средства мирнаго обновленія, но, наоборотъ, есть нарушеніе основъ современной правовой системы, что оно есть мѣра соціально-революціонная и продиктовано адикизмомъ.

Защитники принудительнаго отчужденія въ подтвержденіе своихъ доводовъ ссылаются, во-первыхъ, на случаи принудительнаго отчужденія государствомъ частной земельной собственности при проведеніи желѣзныхъ дорогъ и другихъ предпріятій общаго пользованія.

„Надѣленіе крестьянъ землею совершается *„во имя общей пользы“*“, рассуждаютъ сторонники принудительнаго отчужденія, и потому государство въ правѣ произвести такое отчужденіе“.

Доводъ этотъ не выдерживаетъ рѣшительно никакой критики. При экспропріаціи подъ такія предпріятія, какъ желѣзныя дороги, государство отчуждаетъ частную собственность вовсе не во имя общей пользы, это былъ бы принципъ весьма широкій и неопредѣленный, но во имя *общаго пользованія* (а это два совершенно различныхъ понятія)!. Государство создаетъ предпріятія *общаго пользова-*

нія, т. е. такія підприємтя, *которыми можетъ пользоваться каждый гражданинъ, подходящий подъ извѣстныя условія*. Такъ, напримѣръ, каждый гражданинъ, купившій билетъ, или уплатившій провозную плату, можетъ ѣхать въ поѣздъ желѣзной дороги или провозить свои товары, и ему въ этомъ никто не можетъ воспрепятствовать, подъ угрозой возстановленія его правъ судомъ и уплаты убытковъ. Значить здѣсь земля изъемлется отъ частнаго собственника и *передается въ общее пользованіе*. Между тѣмъ, при проектируемомъ адикистами принудительномъ отчужденіи частныхъ земель для надѣленія крестьянъ, земля будетъ отбираться у одного собственника и передаваться другому частному собственнику *) крестьянамъ, будь это отдѣльные подворные владѣльцы, или юридическое лицо (община). Здѣсь уже, разумѣется, не можетъ быть никакой рѣчи объ общемъ пользованіи всѣхъ гражданъ Россіи даннымъ отчужденнымъ участкомъ: имъ будетъ владѣть и пользоваться опредѣленное лицо, или опредѣленный кругъ лицъ по праву юридическаго частно-правоваго приѣмства (по наслѣдованію, куплѣ-продажѣ и пр.).

Слѣдовательно, юридическая конструкція современнаго права экспропріаціи частной собственности подъ підприємтя общаго пользованія совершенно отлична отъ принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель для надѣленія крестьянъ, проектируемаго кадетами и другими адикистами. Эти два мѣропріятія не имѣютъ между собой ничего общаго съ правовой точки зрѣнія.

Другой доводъ, на который ссылаются сторонники принудительнаго отчужденія, это освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землею. „Вѣдь было же тогда произведено принудительное отчужденіе частной земельной собственности, говорятъ эдикисты, почему же теперь государство не можетъ сдѣлать того же самаго“?

Доводъ этотъ показываетъ, что наши адикисты имѣютъ весьма слабое понятіе какъ о сущности явленія крѣпост-

*) Или вообще исключительному владѣльцу.

наго права, такъ и объ исторіи этого явленія и его происхожденіи. Крѣпостное право, какъ показываетъ исторія, вовсе не было институтомъ права собственности, это было право, *suī generis*, институтъ, такъ называемаго, *патримоніальнаго права*, но никакъ не право собственности. *Происхожденіе крѣпостнаго права*, какъ доказала наука, коренится не въ правѣ собственности на землю или на людей, а въ *отношеніяхъ подданнаго къ своему суверену, государю, въ отношеніяхъ обязаннаго къ своему патримоніальному господину*. Происхожденіе этого права истекаетъ изъ *слабости государственной власти* въ періодъ недостаточной организаціи государства, когда государственная власть, такъ сказать, распредѣлялась между многими патримоніальными владыками (феодалами, помѣщиками, сенерами и проч.), имѣвшими надъ своими поданными судебную, полицейскую, хозяйственную и даже законодательную власть; благодаря такой патримоніальной власти, крѣпостные люди оказались въ полномъ подчиненіи у своихъ господъ. Крѣпостныя отношенія — институтъ феодальнаго права, результатъ безсилія и слабости государственнаго начала, т. е. результатъ, въ сущности говоря, безправія, и наука строго отличаетъ отъ этихъ феодальныхъ отношеній *индивидуальное право собственности на землю*, которое представляетъ собою *проявленіе стройной правовой системы*, свойственной періоду *развитаго денежнаго хозяйства, свободы личности, свободной конкуренціи и свободной мобилизаціи имуществъ*: на этихъ послѣднихъ началахъ, какъ доказала экономическая и правовая наука, *зидается весь современный правовой, а слѣдовательно и экономическій строй*.

Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости было лишь *отмѣной феодальныхъ привилегій помѣщиковъ*, а надѣленіе въ то время крестьянъ землею, было только лишь *разверстаніемъ общаго совладнія землею (condominium'a)* помѣщика съ крестьянами, т. е. отмѣна анахронизма. Между тѣмъ, если бы государство вздумало въ настоящее время принудительно экспроприровать частныя земли и отдать ихъ крестьянамъ, это было бы нарушеніемъ

индивидуальнаго права собственности, т. е. колебаніемъ всѣхъ правовыхъ основъ современнаго экономическаго строя, адикизмомъ.

Когда въ Россіи въ 1861 году отмѣняли крѣпостное право, то у всѣхъ передъ глазами былъ правовой прецедентъ всей Западной Европы, гдѣ крѣпостное право отмѣнялось въ разныхъ государствахъ на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, и всѣ эти государства переходили къ болѣе развитому періоду правовой и экономической жизни. Такъ пусть же и теперь господа адикисты укажутъ намъ какой-нибудь такой правовой прецедентъ, гдѣ бы индивидуальное право собственности отнималось у однихъ классовъ общества и передавалось другимъ въ собственность. Нигдѣ во всемъ цивилизованномъ мірѣ такого прецедента не было и не могло быть, а гдѣ политическія партіи пытались сдѣлать что-либо подобное, тамъ водворялась кровавая борьба съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ анархіи и возвратомъ деспотизма.

Адикисты въ подтвержденіе своихъ требованій ссылаются еще на примѣръ русскаго стараго режима, не церемонившагося съ польскимъ землевладѣніемъ въ Западной Россіи.

Хорошая ссылка! Вѣдь тотъ образъ дѣйствій, который практиковало наше правительство, долженъ служить намъ указаніемъ, какъ мы не должны поступать, если желаемъ оставаться на почвѣ праваго государства.

Итакъ, проектированная адикистами разныхъ партій аграрная реформа, сводящаяся къ принудительному отчужденію частной земельной собственности и къ передачѣ ея крестьянамъ, есть нарушеніе основъ современнаго праваго и экономическаго строя, а допущеніе такого мѣропріятія со стороны государственной власти будетъ небывалымъ въ исторіи соціально-революціоннымъ дѣйствіемъ, которое несомнѣнно повлечетъ за собой анархію со всѣми послѣдствіями деспотизма.

Но этого мало. Адикизмъ нашихъ партій далеко не исчерпывается однимъ только проектомъ принудительнаго отчужденія частной земельной собственности, онъ идетъ

гораздо дальше. Ложная идея принудительного отчуждения необходимо влечет за собой другие ложные проекты. Эти другія мѣропріятія, проектируемыя нашими адикистами въ области аграрной реформы, заключаются во-первыхъ, въ *способъ оцѣнки отчуждаемой земли* и, во-вторыхъ, въ *способъ вознагражденія собственниковъ*, т. е. въ способъ расплаты съ ними за отчужденную землю. И въ томъ и другомъ вопросѣ прогрессивныя партіи наши стоятъ также на почвѣ безправія, адикизма.

Обратимся сначала къ проектированному ими способу оцѣнки экспроприруемыхъ земель. Они предполагаютъ расплатиться съ землевладѣльцами по справедливой оцѣнкѣ отчуждаемыхъ земель. Такая постановка вопроса по первому взгляду и особенно для широкаго круга лицъ, не знакомыхъ специально съ научной постановкой этого вопроса, кажется вполне разумной и согласной съ правомъ. Однако это одно только недоразумѣніе. Понятіе „справедливая оцѣнка“ съ точки зрѣнія права и политической экономіи есть только красивая фраза, которая въ исторіи народнаго хозяйства Западной Европы сыграла очень печальную роль.

Дѣло въ томъ, что *ни право, ни политическая экономія не знаютъ понятія «справедливая оцѣнка»*; они знаютъ только объективную рыночную, мѣновую цѣнность и таковую же оцѣнку. Западная Европа уже переживала однажды такую эпоху, когда явилось стремленіе регулировать обмѣнъ цѣнностей (т. е. куплю-продажу имуществъ и т. п.) по „справедливой оцѣнкѣ“. Это было во время господства въ Европѣ римско-католической церкви и воззрѣній ея каноническаго права. Исторія хорошо знаетъ, что эта попытка была только тормазомъ экономической жизни; экономическая жизнь всячески противилась противоестественному принципу „справедливой оцѣнки“ (*pretium justum*) и уклонялась въ своемъ развитіи совершенно въ противоположную сторону, въ сторону обмѣна, регулируемаго реальными условіями рынка. Въ концѣ концовъ и кононисты увидѣли, что остановиться на одномъ общемъ понятіи „справедливой оцѣнки“ (*pretium justum*)